

Ren Guangxuan *Recenzija na roman «Lestnica Jakova» L. Ulickoj* [Comments on Russian Writer Ulitskaya's New Works «The Ladder of Yakov»]. *Dinamika zarubezhnoj literatury* [A Dynamic Study of Foreign Literature]. 2006. № 1.

Yin Guixiang *Vse aspekty razvitiya russkoj literatury v period perestrojki* [Development View of Russian Literature in the Transitional Period]. *Vestnik Fudan'skogo universiteta* [Journal of Fudan University]. 2003. № 2.

Lin Ting *Jekzistencial'naja tematika v proze Ulickoj* [Existentialism Theme in Ulitskaya's Novels]. Magist. diss. Harbin, 2014.

Sun Chao *Tematika i pojetika tvorcestva L. Ulickoj v kontekste sovremennoj russkoj literatury* [Ulitskaya's Novels from the Perspective of Contemporary Russian Literature: Theme and Poetics]. Beijing, 2012.

Xu Shanshan *Analiz obraza Medei v romane «Medeja i ee deti»* [Interpretation of Medea in «Medea and Her Children»]. Magist. diss. Changchun, 2008.

Tian Yudong *Izuchenie romana «Zelenyj shater» L. Ulickoj* [Study on the Creation of Ulitskaya's Novel «The Big Green Tent»]. Magist. diss. Harbin, 2016.

Zhang Jianhua *Zhenskij diskurs v romane «Medeja i ee deti» L. Ulickoj* [Cultural Mother Seeking in Russian National History: Female Discourse in Ulitskaya's Novel «Medea and Her Children»]. *Zarubezhnaja literatura* [Foreign Literature]. 2006. № 5.

Chen Fang *Semejnij centrizm v romanah L. Ulickoj* [«Family-centered Theory» in Ulitskaya's Novels]. *Issledovanie zarubezhnoj literatury* [A Study of Foreign Literature]. 2018. № 3.

Chen Fang *Sovremennaja russkaja zhenskaja proza* [A Study of Contemporary Russian Female Novels]. Beijing, 2007.

Yang Hui *«Postmodernistskaja Bogorodica»: Medeja L. Ulickoj* [«The Virgin Mary of Postmodernism»: Lyudmila Ulitskaya's Medea]. *Vestnik Chinhajskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Qinghai Normal University]. 2014. № 3.

В ПОИСКАХ «ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ»: ГЕРОИ ГИШ ДЖЕН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГИБРИДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Е.М. Каравеева

Ключевые слова: Гиш Джен, гибридное поколение, текучая идентичность.

Keywords: Gish Jen, hybrid generation, fluid identity.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-15

Китайско-американская литература последней трети XX века подарила современному читателю немало талантливых имен, среди которых Гиш Джен занимает особое место. Она постоянно экспериментирует с неудобными и даже «опасными» темами, считая их обсуждение «неотъемлемой частью писательского труда» (Jen, 1993,

с. 133)¹. Секс, расизм, власть, смена идентичности – вот лишь некоторые неудобные темы, которых касается автор в своих произведениях. Творчество Джен занимает важное место в современной азиатско-американской литературе, поскольку автор раздвигает устоявшиеся границы и находит новые трактовки известных мотивов и традиций. Широкую известность Джен принесла диалогия о китайско-американской семье Чанг. В первом романе «Типичный американец» (1991) автор затрагивает темы ассимиляции и формирования этнической идентичности поколения иммигрантов 1950-х годов на примере главного героя романа – главы семьи Ральфа Чанга. Во второй части диалогии, «Мона в Земле Обетованной» (1996), автор делает акцент на взрослении и становлении второго поколения семьи Чанг в 60-х и 70-х годах XX века. Одна из центральных сюжетных линий романа затрагивает вопрос расовой и этнической ассимиляции: главная героиня, выросшая в еврейском районе Нью-Йорка, принимает решение перейти в иудаизм. В романе также получает развитие традиционная для китайско-американской литературы тема «мать – дочь». Произведения Джен иллюстрируют стремление китайских иммигрантов преодолеть свою раздвоенность и синтезировать обе составляющих своей этничности. В данной статье творчество Гиш Джен рассматривается в контексте китайско-американской литературной традиции, исследуются тема смены этнической идентичности и конфликт поколений в романе «Мона в Земле Обетованной» на проблемно-тематическом и стилевом уровне текста.

Обращение к теме взаимоотношений матери и дочери характерно для творчества большинства китайско-американских писательниц. Традиционно эта сюжетная линия развивается в ярком историческом и социальном контексте [Караваева, 2009, с. 51]. Джен вносит новую динамику в трактовку классического мотива, выстраивает различные модели отношений между героинями, трансформирует фигуру матери и включает в сюжет отношения между сестрами. Ральф Чанг, чье путешествие через океан становится началом повествования об иммиграции в «Типичном американце», размышляет о стремлении иммигрантов стать «настоящими американцами» (Jen, 1991, с. 11). Именно он становится главным рассказчиком в романе. Женские персонажи, в особенности жена Ральфа Хелен и его сестра Тереза, намеренно отказываются от собственной индивидуальности, чтобы

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи. Перевод мой. – Е.К.

позволить самоутвердиться мужчине, в сложных ситуациях буквально впадающему в спячку. Джен подчеркивает тот факт, что женщины семьи Чанг жертвуют собой и физически, и психологически, чтобы придать Ральфу уверенности. Во второй части дилогии Джен делает основной рассказчицей Мону, младшую дочь Ральфа. Автор также существенно изменяет классическую фигуру матери и намеренно позволяет Хелен стать частью американского общества, тем самым нарушая традиционную бинарную оппозицию между матерью-иммигранткой и дочерью, рожденной в Америке. Отношения между матерью и дочерью в романе полны напряжения. Узнав, что любимая дочь Мона тайно приняла иудаизм, Хелен стремится переубедить ее. В свою очередь Мона хорошо знает реакции матери и пытается ею манипулировать. Первым признаком нарушения тесной связи между матерью и дочерью становится эпизод, в котором Хелен вместо того, чтобы по традиции ответить гримасой на гримасу Моны, читает ей лекцию о «грешных дочерях-обманщицах» (Jen, 1996, с. 45). Резкий ответ девушки обижает Хелен: она не смогла воспитать достойную и послушную дочь. С этого момента отношения матери и дочери ухудшаются и восстанавливаются лишь в конце романа на свадьбе Моны. Хотя Хелен старается воспитывать дочь в соответствии с классическими китайскими традициями, она не вписывается в традиционный образ матери, который мы находим в произведениях других китайско-американских писательниц, например, Максин Хонг Кингстон и Эми Тан. Хелен во второй части дилогии кардинально отличается от нежной и послушной Хайлин из «Типичного американца». Смена имени символизирует не только стремление героини стать частью американского общества, но и внутренние изменения личности: она больше не «послушная жена, целью жизни которой было сидеть дома и заботиться о семье» (Jen, 1996, с. 62). Трансформация героини начинается в первой части дилогии, где Хелен переживает короткий роман с предпринимателем Гровером Дингом. Муж жестоко избивает ее и выбрасывает из окна спальни на втором этаже. Во второй части Хелен – уже не жертва домашнего насилия, а глава семьи. Она ужасно злится на Ральфа, когда понимает, что тот не может о ней позаботиться. Хелен уже привыкла брать на себя ответственность и много работать, в том числе и вне дома, но чувствует себя не вполне готовой занять место главы семьи, когда оказывается одна. Героиня гордится тем, чего достигла, однако новая реальность слишком отличается от того, к чему ее готовили в детстве в Китае. Хотя время от времени «Хелен-американка» скучает по тому, как «китаянка Хайлин легко плыла по жизни в прошлом» (Jen, 1996,

с. 64), сейчас она поддерживает буржуазный стиль жизни «типичной американки» и старается стать частью американского общества.

Постепенно сюжетные рамки произведения все более раздвигаются. В традиционную схему противостояния матери и дочери Джен вводит дополнительную линию взаимоотношений с сестрой. Выпускница Гарварда Келли отличается от своей сестры Моны и по темпераменту, и по характеру. Имея престижное образование и многообещающую медицинскую карьеру, она вполне могла бы стать образцовой моделью для иммигрантов из Азии. Вместо этого Джен заставляет Келли искать китайские корни и стать настоящим синофилом. Героиня намерена утвердить собственную этническую идентичность, и считает изучение китайского языка «средством вернуться к своим корням» (Jen, 1996, с. 129). По иронии судьбы она обнаруживает, что «английский – не единственный язык, на котором ее родители говорят с акцентом» (Jen, 1996, с. 127), когда пытается поговорить с ними на своем гарвардском китайском. Келли изучает тай-ци, ест «настоящую китайскую еду», и в итоге становится большей китаянкой, чем ее родители. Она начинает носить тряпичную обувь и хлопковые брюки, и называет себя китайским именем Кайлан, чтобы всем сообщить о своей азиато-американской идентичности. Девушка до такой степени увлечена Китаем, что родители думают, что «с ней что-то не так» (Jen, 1996, с. 301). Стремление Келли приобщиться к азиато-американской культуре им чуждо, поскольку Ральф и Хелен всеми силами стремятся влиться в традиционное американское общество. Однако вместо того чтобы идеализировать образ дочери в лице Келли, Джен сатирически преломляет саму концепцию этнической идентичности. Келли, которую раньше «тошнило от того, что она – китаянка» (Jen, 1996, с. 129), обращается к своим корням благодаря влиянию подруги из Гарварда – афро-американки Наоми, которая говорит по-китайски лучше, чем сама Келли. История старшей сестры развенчивает иллюзию этнической аутентичности. Энтузиазм Келли в поисках Китая противопоставлен решению младшей героини обратиться в иудаизм. Характеры американизированной матери и этнически заикленной сестры существенно усложняют традиционный сюжет «мать – дочь». И хотя оба поколения женщин объединяет общая социальная среда, они по-разному трактуют идею «Земли Обетованной». Мать, усвоившая буржуазную идеологию американского общества, уже не является традиционной авторитетной фигурой для дочерей, которых отличает «открытость и готовность принять другие этничности как свои» [Бутенина, 2006, с. 176]. Важно отметить, что в попытках переосмыслить традицию Джен все же

придерживается классической схемы взаимоотношений между поколениями. Несмотря на то, что дочь постепенно отстраняется от матери, в финале героини находят примирение. Традиционное решение конфликта поколений отдает дань уважения фигуре матери, которая имеет особое культурное значение для азиато-американской традиции. «Земля Обетованная», в которую Мона в конце концов возвращается, – это лоно семьи. Тщательно оберегая преемственность, и в то же время, применяя новые интерпретации темы «мать – дочь», Джен придает новое звучание конфликту поколений.

По мнению Е.М. Бутениной, китайско-американские писательницы, принадлежащие второму поколению иммигрантов – Кингстон, Тан, Джен – наделяют такими же обстоятельствами рождения большинство своих героев. «Ощущение гибридности своего «я» переживается ими наиболее остро и болезненно, потому что мир семьи представляет собой локальный Китай, а за порогом родного дома начинается Америка. Вся их жизнь представляет собой бесчисленные переходы из одного культурного пространства в другое, попытки создать некое третье и обрести себя в нем» [Бутенина, 2006, с. 35].

По мере развертывания сюжета романа главная героиня все глубже втягивается в эксперименты с «примирением» различных этнических масок. Автор окружает Мону большим количеством персонажей и позволяет героям играть масками и примерять на себя разные ипостаси. Практически каждый персонаж в определенный момент повествования меняется и пытается стать кем-то иным. Например, афро-американка Наоми решает стать китайкой, а Мона обращается в иудаизм. Напитываясь идеями иудаизма, Мона неожиданно для себя осознает, что «став еврейкой, чувствует себя китайкой более чем когда-либо» (Jep, 1996, с. 190). Американский исследователь Уэрнер Соллорс выдвигает новый подход к изучению понятия этнической принадлежности как «условному состоянию, своего рода «согласию», которое открывают для себя различные этнические группы после того, как эмигрировали в США» [Sollors, 1986, с. 265] (цит. по [Тлостанова, 2000]). Аналогичную точку зрения высказывает и другой американский критик Уильям Боелхауэр, полагая, что «этничность – это динамичная категория, постоянно приспособляющаяся к изменениям, испытываемым человеком в себе и вокруг себя» [Boelhower, 1987, с. 178] (цит. по [Тлостанова, 2000]). Мона Чанг в полной мере воплощает идею этнических переходов. В одном из интервью Джен признается, что «Мона – тот человек, которым она хотела бы быть, но никогда не была» (Jep, 1997, с. 117).

Несмотря на то, что Джен признает важность трансформаций в жизни Моны, повествование изобилует комическими обертонами. Когда героиня впервые задумывается о возможности принятия иудаизма, она полагается на наивное убеждение в американскую свободу выбора: «Быть американцем значит быть тем, кем хочешь, и я решила стать еврейкой» (Jen, 1996, с. 49). В какой-то момент, однако, Мона подумывает бросить эту идею, потому что процесс перехода оказывается слишком долгим и трудным. В разговоре с матерью свой выбор героиня оправдывает тем, что иудаизм – это религия, которую можно принять, а поменять расу и стать, например, чернокожей она не может. Очевидно, что на этом этапе упорство и настойчивость Моны объясняются лишь поверхностным желанием стать такой же, как ее друзья из еврейского квартала.

Мотив «примеривания» иной идентичности комически обыгрывается и на примере второстепенных персонажей – друзей Моны. Студента из Японии Шермана Мацумото и еврея Сета многие принимают за китайцев. Путаница, вызванная визуальным образом, подчеркивает зыбкую и текучую натуру этнической идентичности. По мере развития сюжета идентичность Шермана также меняется. В одном из телефонных разговоров Мона обнаруживает, что Шерман говорит на совершенно ином языке, чем раньше, и поражает девушку глубокими знаниями географии и навыками опытного путешественника. В конце концов, Мона узнает, что ее разыгрывают соседские мальчишки – Энди и Сет. «Шерман» – лишь голос воображаемого персонажа. Благодаря современным технологиям, любой человек может изобразить кого-то другого. Многочисленные перевоплощения персонажа Шермана иллюстрируют переменчивость этнической идентичности. Однако Джен напоминает, что в процессе формирования идентичности необходимо учитывать исторический и культурный опыт. Когда Хелен узнает, что в их доме будет жить японец, и видит японский флаг, нарисованный на коробке для льда, она впадает в истерику. Героиня не в силах забыть ужасы и жестокость китайско-японской войны, такие как, резня в Нанкине, который Мона по ошибке называет «Напкин» (Jen, 1996, с. 15). В приведенном эпизоде очевидно намерение автора обнаружить, насколько по-разному два поколения воспринимают как собственную идентичность, так и историю в целом. Воспоминания Хелен о войне помогают Джен обозначить такие важные факторы идентификации, как исторический опыт и культурное наследие.

«Мона в земле обетованной» – не первое произведение в китайско-американской литературе, рассматривающее вопрос текучей

идентичности. В романе Максин Хонг Кингстон «Обезьяна – мастер путешествий» метафорой текучей идентичности становится магическая сила короля обезьян, способного трансформироваться семьдесят два раза (Kingston, 1990). Оба произведения обнаруживают схожесть тем и мотивов. Действия романов происходят в 1960-х – 1970-х годах; главные героини – Витман и Мона – пытаются выстроить собственную идентичность. Можно утверждать, что Джен преобразует традицию текучей идентичности в образе девочки-подростка из семьи иммигрантов. Возможность выбора и смены этнокультурных масок бросают вызов концепции этнической аутентичности. Как справедливо отмечает Е.М. Бутенина, Джен «доводит процесс «примеривания» этнических ипостасей до комического постмодернистского карнавала» [Бутенина, 2011, с. 14]. Келли признается Моне, что «не понимала, что значит быть китайкой до тех пор, пока не встретила Наоми» (Jep, 1996, с. 168). Мона, в свою очередь, не воспринимала себя «цветной», хотя знала, что она не белая. «Желтая, – говорит Наоми. – Ты – желтая. Желтый человек, желтая девочка» (Jep, 1996, с. 170). Позднее Мона обнаруживает, что даже китайская еда Наоми более аутентична, чем стряпня Хелен. На курорте Наоми учит Мону готовить «настоящую копченую утку, секрет которой состоит в вымачивании утки в маринаде из трав в течение 16 часов» (Jep, 1996, с. 186). В ответ Мона «делится рецептом любимого блюда Хелен – утка по-пекински в стиле Вечестер. Весь секрет – мариновать утку всю ночь в Пепси-коле» (Jep, 1996, с. 186). Обмен рецептами дискредитирует идею аутентичной кухни и иллюстрирует процесс гибридизации в действии: афро-американка может научить китайских американцев, как быть китайцами и готовить настоящую китайскую еду. В финале романа главная героиня окончательно избирает для себя китайско-еврейскую идентичность, о которой решает заявить в фамилии: вместе со своей новорожденной дочерью Ио, Мона и Сет становятся семьей Чанговиц (Jep, 1996, с. 303). Если решение Ральфа поменять фамилию на *Чанги* (сочетание фамилии Чанг и слова «янки») было попыткой влиться в американское общество, то *Чанговиц* символизирует сознательный выбор соединения с иной этнической группой. Два поколения семьи пытаются создать собственную этническую идентичность и по-разному интерпретируют идею американской «Земли Обетованной». Рождение девочки Ио символизирует зарождение новой американской нации и раздвигает условные границы этничности. В некоторой степени финал романа автобиографичен, поскольку Джен замужем за американцем еврейского происхождения, и в их семье двое детей. Однако гораздо

более значимым представляется намерение автора создать новую реальность, которая выходит за рамки бинарной оппозиции и учитывает сложные расовые, классовые и гендерные переплетения. «Соположение таких несовместимых, на первый взгляд, этничностей, как китайская и еврейская, оказывается возможным благодаря игровому началу китайско-американской литературы эпохи постмодерна» [Бутенина, 2006, с. 177].

В поисках ответов на вопросы Мона идет трудным путем к истине, освобождаясь от груза предубеждений, ложных привычек, совершая для себя много открытий. Кульминацией разрешения конфликта поколений становится свадьба Моны и Сета. Джен изящно переносит акцент с традиционного узла «мать – дочь» на новый тип семейных отношений, включающий три поколения женщин. Когда Хелен появляется на свадьбе дочери, Мона готова разрыдаться: «Можно было подумать, что Хелен – именно тот человек, с кем Мона обещает быть и в горе, и в радости до самой смерти» (Джен, 1996, с. 304). Мона бросается навстречу матери, а ее дочь Ио падает. Но вместо того, чтобы заплакать, малышка поднимается и хлопает в ладоши. Маленькая внучка выступает свидетелем восстановленной связи между бабушкой и мамой.

«Земля Обетованная», которую ищет Мона, и которую предлагает Джен, – это многогранное пространство, в котором возможен компромисс между поколениями, несмотря на противоречия и разногласия. Отношения между матерью, дочерью, сестрами, взаимодействие героев с другими людьми позволяют Джен обозначить свой взгляд на проблемы конфликта поколений и поиска идентичности и, создавая особую комическую тональность повествования, заложить новую традицию в китайско-американской литературе.

Литература

Бутенина Е.М. Гибридная идентичность как литературная проблема: на материале китайско-американской женской прозы XX века. М., 2006.

Бутенина Е.М. Межкультурные топосы в китайско-американской литературе // Вестник Томского университета. 2011. № 343.

Караваева Е.М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века. М., 2009.

Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000.

Boelhower W.Q. Through a glass darkly: Ethnic semiosis in American literature. New York, Oxford, 1987.

Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. New York, Oxford, 1986.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Jen G. *Typical American*. Boston, 1991.
Jen G. *Mona in the Promised Land*. New York, 1996.
Jen G., Matsukawa Y. Interview: Gish Jen // MELUS 18. 1993. №. 4.
Jen G., Satz, M. Writing About the Things That Are Dangerous: A Conversation with Gish Jen. // *Southwest Review* 78. 1997. №. 1.
Kingston M.H. *Tripmaster Monkey*. New York, 1990.

References

- Butenina E.M. *Gibridnaya identichnost' kak literaturnaya problema: na material kitaisko-amerikanskoi zhenskoi prozy XX veka* [Hybrid Identity as a Literary Problem in Chinese-American Literature of the 20th century]. Moscow, 2006.
Butenina E.M. *Mezhkul'turnye toposy v kitaisko-amerikanskoi literature* [Intercultural Toposes in Chinese-American Literature]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University]. Tomsk, 2011. Iss.343.
Karavaeva E.M. *Konflikt pokolenii v romanakh Maxin Hong Kingston i Amy Tan: k problem poiska identichnosti v aziato-amerikanskoi literature poslednei treti XX veka*. [Generational conflict in the writing of Maxin Hong Kingston and Amy Tan: searching for identity]. Cand. of Philol. Diss., Moscow, 2009.
Tlostanova M.V. *Problema multikulturalizma i literatura USA konca XX veka*. [The problem of multiculturalism and literature of the USA at the end of the 20th century]. Moscow, 2000.
Boelhower, W.Q. *Through a glass darkly: Ethnic semiosis in American literature*. New York, Oxford, 1987.
Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. New York, Oxford, 1986.

List of sources

- Jen G. *Typical American*. Boston, 1991.
Jen G. *Mona in the Promised Land*. New York, 1996.
Jen G., Matsukawa Y. Interview: Gish Jen. *MELUS* 18. 1993. No. 4.
Jen G., Satz M. Writing About the Things That Are Dangerous: A Conversation with Gish Jen. *Southwest Review* 78. 1997. No. 1.
Kingston M.H. *Tripmaster Monkey*. New York, 1990.